

Уже идет вприсядку под гармонь
С нелепой грациозностью медвежьей.
Выпархивают сучья из-под ног,
Пилотка с рыжим чубчиком рассталась,
Под хохот,
 как махорочный дымок,
Рассеялась солдатская усталость.
- На славу отплясал. Теперь читай,
Быть может, пишет старенькая мама... -
Раскрыл конверт, прочел, -
 легла черта
Между бровями
 наподобье шрама,
- Чего ты нос повесил, старина? –
И наш дружок ответил односложно:
- Я так любил Наталку, а она... -
И он махнул рукою безнадежно.
Гармонь вздохнула – и замолкла.
 ВНОВЬ
Терзает нас полярный ветер - злюка...
Сержант сказал негромко,
 что любовь
Обычно проверяется разлукой!
Полулежим, припав к замшелым пням,
Чтоб ветром нас не продувало
 сзади...
Умрите, думы, не мешайте нам.
Мы спать хотим.
Мы так устали за день.

Чистота

Ты чистоту душевную пронес
По жизни,
 как в закупоренной вазе,
Брезгливо отворачивая нос
От иногда встречающейся грязи.

Ты мне не враг,
 но ты мне и не друг,
У нас различны помыслы и нужды:
Не верю чистоте холеных рук,
Которым счастье созиданья чуждо.

Что желчной старой девы чистота?!
Что чистота
 бездумных глаз горящих?!
Что чистота
 бумажного листа,
Который не ожил
 от слов горячих?

Сегодня день
 прозрачен и лучист,
Сияет небосвод над Спасской башней...
А воздух –
 так живителен и чист...
Привет тебе,
 дождливый день вчерашний!

* * *

Страницы бывшего листая,
Не вспомнил ни часа, ни дня,
Когда же ты все-таки стала
Роднее других для меня?

Быть может, такое случилось
На зябком привале,
 когда
За ворот шинели сочилась
Упавшая с неба вода.

А я, не скрываясь от ветра,
Забыв про недолгий привал,
Твои голубые конверты,
Глупея от счастья, вскрывал.

Не знаю, а может быть это
И раньше случилось,
 когда
В начале московского лета
Со мной приключилась беда.

Не прожил никто без ошибок,
Никто без ошибок не рос...
Учились мы жить
 на ухабах,
Порою опасных всерьез.

Упав, я не встал бы, пожалуй,
Но, так же, как прежде, любя,
Ты верить в меня продолжала, -
И сам я поверил в себя.
И губы упрямее сжаты,
И жажда соленая
 жить!
Быть может, и стал я тогда-то,
Как жизнью, тобой дорожить.

Слово о мире

Говорить сегодня я хотел
О другом, -
 о том, как поутру
Первый снег, кружась, с небес летел,
Радуя повсюду детвору.

О любви я говорить хотел
И о грусти, спутнице ее,
И о ветре счастья,
 что влетел
В наше многолюдное жилье;
Говорить о радости труда,
О крови,
 что вечно горяча,
О плече, которое всегда
Чувствую у своего плеча.

Говорить про птиц хотелось мне,
Что остались с нами зимовать,
О волшебной зимней тишине
Мне хотелось в песнях рассказать...

Рассказать об очень многом мне
Хочется...
 да не могу сейчас:
Я услышал снова о войне,
О войне,
 нацеленной на нас.
Вижу я, закрыв глаза свои,
Памятные черные дела:
Пепелища –
 там, где шли бои –
И детей расстрелянных тела.

Не могу
 об этом я молчать,
Сын свободной, радостной страны,
Потому что –
 мне ль ее не знать,
Цену
 новой
 мировой войны!

Мое поколение

1

Третьи сутки тащил эшелон
В тыл куда-то больного парнишку.
Паровоз так дышал тяжело,
Словно был он измучен одышкой.

Хрипло кашлял под скрежет колес,
Черным снегом и дымом завьюжен,
Словно был в эту ночь паровоз,
Как и маленький Вовка, простужен.

Кипяточку теперь бы сюда –
Ой как холодно в грязной теплушке!
Только спаяна коркою льда
Перед маленьким Вовкой вода
В металлической погнутой кружке.

От ночей, проведенных без сна, -
Щек ввалившихся желтые пятна.
Непонятное слово «война»
Становилось до боли понятным.

2

Сорок пятый. Опять поезда.
Пионер большеглазый и строгий
Возвращался домой. Навсегда,
В пассажирском. По той же дороге.

Врос в окошко. Стоит и молчит.
А в глазах – огоньки задора.
Сердце в ритм колесам стучит;
Скоро дома я, дома скоро!

Остановка. Закутан вокзал
В паровозную дымную бороду...
Вышел – и ... не смотрели б глаза:
За вокзалом не было города.

Постоял, потом посидел
На ступеньке вокзального входа,
Зареветь от обиды хотел –
Промолчал. Не из той он породы!

А назавтра лопату в руках
Он сжимал, как сжимали винтовку
Те, что гибли вчера на фронтах,
Чтоб вернуться на родину Вовка.

